

С. Н. Азбелев

ПОПЫТКА РЕАНИМИРОВАТЬ УСТАРЕЛУЮ МИФОЛОГЕМУ¹

Как известно, исторические песни ценны тем, что отобразили народную память о реальных исторических лицах в произведениях, создававшихся обычно вскоре после событий, послуживших для них основой. Поэтому весьма важно знать, кто конкретно оказывался прототипами дошедших песен, когда и на какие события эти песни откликались.

По хорошо известным ныне причинам в недавнем прошлом некоторые историки мифологизировали противоречивую личность Ивана IV — изображая его прогрессивным борцом против реакционного боярства — с весьма односторонней интерпретацией репрессий, от которых фактически одинаково страдали все социальные слои русского народа: своими феноменальными жестокостями этот правитель будто бы защищал народные массы от феодалов-угнетателей и укреплял единство страны.

Соответственно поступали тогда и некоторые фольклористы; стали усматривать антифеодалную направленность даже в отображениях народной поэзией личности Ермака — оказавшегося как бы союзником Ивана IV в противостоянии боярам. Фольклор же о Степане Разине представлялся сплошь апологетическим — при замалчивании негативных оценок этого персонажа и произведений, осуждавших жестокость и корыстолюбие разинцев. Исправление подобных перекосов осложняется иногда необходимостью демифологизировать фольклористическое сознание самих исследователей народной поэзии.

Примером таких сложностей явилась напористая попытка зачеркнуть адекватное реальности истолкование исторических песен о царе Иване Грозном. Имею в виду доклад А. А. Горелова на 3-й конференции «Мифология и повседневность», напечатанный затем в ее сборнике.² Этот автор хотел оспорить выводы моей большой статьи 1996 года «О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу». Она имела задачей выяснить, почему в этих песнях «превалируют черты справедливого царя, вызвавшего народные симпатии, иногда — даже восхищение, несмотря на весьма крутой нрав и даже жестокость некоторых поступков»³. Обнаружилось, что песни имели двух исторических прототипов. Основу статьи составляла историческая идентификация семи песен.

¹ В основе статьи — доклад на 4-й конференции «Мифология и повседневность» в Санкт-Петербурге 3 марта 2000 г.

² Горелов А. А. Мнимые песни об Иване III // Мифология и повседневность. СПб., 1999. Вып. 2. С. 550—565. Далее страницы этой статьи указываются в тексте.

³ Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29. С. 61. Незадолго до выступления А. А. Горелова эта критикуемая им работа была отмечена в ноябре 1998 г. Международной премией Центра этнической истории в Италии. Официальная информация о награждении снабжена краткой аннотацией этой статьи помещена в издании упомянутого Центра: II «Pitre» 1958—1999. Quarant'anni di Antropologia mondiale a Palermo. Centro Internazionale di Etnostoria. Palermo, 1999. P. 170—171.

В совокупности множества разнородных вариантов, которые традиционно считались песней о гневе Ивана IV на его сына и связывались с убийством царевича Ивана в семейной ссоре 1581 г., я выделил записи четырех последовательно создававшихся песен, не имевших отношения к этому факту. В песенных текстах гнев царя на сына связан с подозрениями в измене, причем нередко фигурируют два царевича, один из которых интригует против другого. Записанные варианты вообще не фиксируют угрозы царевичу Ивану: ей подвергается царевич с другим именем; иногда имя его в песне не названо. При этом царевич всегда остается жив.

Среди вариантов есть такие, где речь идет о царевиче Василии Ивановиче. Это указывает на XV столетие: у Ивана IV был сын Василий, но он умер грудным младенцем, Василий же, сын Ивана III, как раз участвовал в династической борьбе. Есть варианты, где гнев царя направлен не на него, а на царевича Дмитрия Ивановича. Иван IV имел двух сыновей с таким именем, но первый умер во младенчестве, второй родился за полтора года до смерти отца. Дмитрий, сын Ивана III, не успел проявить себя в политической жизни, зато исключительная роль в ней принадлежала тогда другому Дмитрию Ивановичу — внуку Ивана III. Он был коронован как наследник престола в 1498 г., после опалы на объявленного наследником ранее Василия Ивановича. Но в 1509 г. Дмитрий Иванович сам подвергся опале, а наследником престола вновь стал Василий Иванович.

Реальные проявления весьма напряженной борьбы двух партий при дворе достаточно определенно соотносятся с содержанием песен: как и в песнях, оба царевича побывали под стражей, по крайней мере над одним из них нависала смертельная угроза; до казни наследника престола дело не дошло, но она постигла близких царевичу людей, причем выдвигалось обвинение в государственной измене.

Песня о гневе на царевича Василия Ивановича была первым произведением на этот сюжет. За ней последовали другие, относившиеся к категории песен-переделок. На события 1502 г. отозвалась песня о гневе на царевича Дмитрия Ивановича. Бытование этих песен в XVI столетии породило переделку, где не было названо имя царевича. Она возникла, вероятно, по поводу конфликта между Иваном IV и его старшим сыном в 1570 г.: связанные с этим фактом обстоятельства, ставшие известными по циркулировавшим в народе слухам, отобразились в исторически достоверных деталях песни.

Весьма значительное число вариантов, записанных на Новгородском Севере, свидетельствуют о еще более поздней переработке, где царский гнев направлен на царевича Федора — за то, что он будто бы шадил новгородцев во время репрессий Ивана IV в Новгороде. Источниками такой факт не засвидетельствован и вообще маловероятен — учитывая тогдашний возраст Федора. Но он был известен кротким характером, вполне проявившимся позже, когда Федор стал царем. Вероятно, это и послужило поводом для создания песенной версии, в основе своей вымышленной, но отобразившей воспоминания новгородцев, оставшихся в живых после массовых казней, в которых значительная роль принадлежала царевичу Ивану Ивановичу. Согласно песне он еще и доносит отцу на Федора. Создание этой песни опиралось на знание предыдущих, а она, в свою очередь, повлияла на них, со временем почти вытеснив из репертуара их ранние редакции.

Песню «Смерть царицы» исследователи не без оснований связывали с первой женой Ивана IV — Анастасией. Этого имени ни в одном из вариантов нет, но обрисованный в них характер умирающей соотносим с данными источников о ней. Однако в тех текстах, где имя фигурирует, царица названа Софьей Романовной. Среди жен Ивана IV не было Софьи. Перед нами, очевидно, контаминация имен Софьи Фоминичны и Анастасии Романовны. А это заставляет полагать, что вначале песня имела в виду вторую жену Ивана III — тем более, что именно этому соответствует перечень царских сыновей и дочерей в песне.

Неосновательно соотносили со смертью царевича Ивана Ивановича, убитого Иваном IV,

песню «Иван Грозный молится о сыне», тогда как из текста ее видно, что имеется в виду Иван Молодой — старший сын Ивана III, умерший после вмешательства врача, привезенного его политическими противниками. Есть и песня-плач, обязанная возникновением кончине самого Ивана III. Содержание ее не позволяет соглашаться с теми, кто усматривал в ней оплакивание Ивана IV.

Декларируя в резкой, даже невежливой форме полное неприятие этой работы, полемист конкретно попытался опровергнуть мои идентификации только двух последних сюжетов. Кроме того, он захотел оспорить высказанные мной суждения об одном из песенных зачинов и разделяемые не только мной оценки восприятия современниками самого Ивана III.

«Жертвоприношением ложной идее» (С. 561) назвал А. А. Горелов мое соотнесение песни «Иван Грозный молится о сыне» со смертью царевича Ивана Ивановича, который скончался в 1490 г. на радость враждебной ему придворной партии Софии Палеолог. В этой песне горюет царь-отец, бояре радуются, царь оглядывает их с гневом.

Единственным доводом для несогласия со мной оказывается утверждение полемиста, будто бы текст этой песни «не имеет ни одной детали, которую нельзя было бы найти в вариантах песни о гневе Ивана Грозного на сына» (С. 561). Но это — ложное утверждение. Оно ничем не подкреплено и опровергается текстуальными сопоставлениями. А. А. Горелов игнорирует книгу В. К. Соколовой, которая, исследовав по всем вариантам песню о гневе Ивана Грозного на сына, пришла к заключению, что в ней соотносимый эпизод «разработан и мотивирован иначе»⁴. Бездоказательно объявляя песню «Иван Грозный молится о сыне» «фрагментом песни-источника (“Грозный и сын”）」 (С. 561), полемист и здесь игнорирует труд В. К. Соколовой, заключившей, что текстовое соотношение песен было противоположным⁵, и оспорившей иное мнение В. Ф. Миллера (на которого А. А. Горелов, впрочем, не сослался).

Более развернуто мотивируется несогласие с моим историческим соотнесением песни-плача по царю Ивану Васильевичу. Я связал содержание этой песни со следующими фактами. Перед своей кончиной Иван III подготовлял большой поход на Казань, правитель которой вышел из повиновения русскому монарху и вторгся с войском в русские пределы. Но состоялся поход только в 1506 году — через полгода после смерти Ивана III. По нерадивости воевод военные действия имели негативный для русских результат, часть войска оказалась в плену у татар.

Песня призывает государя встать из могилы, дабы посмотреть на свою силу, которая «скоро во поход пойдет / <...> Как под тот-то славный / Казань, Казань город». Другой вариант имеет иное окончание: царское войско «в полону стоит / <...> под неверною, <...> все под скверною»⁶.

Не попытавшись конкретно оспорить произведенное мною соотнесение песни с фактами, полемист просто заявил, что с такой исторической атрибуцией «согласиться невозможно» (С. 562). По его мнению, оплакивается не Иван III, а Иван IV. Как пишет А. А. Горелов, плач «содержит отчетливые признаки поры, когда “в Казанские места” была направлена армия “из пяти полков” (январь 1584 г.), а затем “из трех полков” (лето 1584 г.)» (С. 562). Видимо, полемиста не смущает, что в январе Иван IV был еще жив, а три полка, которые А. А. Горелов чересчур пышно называет армией, были отправлены и летом, и в октябре. Далее он цитирует снабженный авторскими домыслами отредактированный конспект В. Н. Татищева и отсылает к беллетризованному «Житию» царя Федора Ивановича (С. 562—563).

Но следовало обращаться не к вторичным материалам, а к летописному первоисточнику и к разрядным книгам. Тогда ясно обнаружилось бы, что речь не идет о походах под Казань. В 1584 г.

⁴ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVII вв. М., 1960. С. 56.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Русский фольклор. Т. 29. С. 78.

полки подавляли, согласно выражению Н. М. Карамзина, «бунт черемисский»⁷. Объектом карательных экспедиций было северное Заволжье, где обитали не татары, а черемисы (тогдашнее название марийцев). Воеводы, согласно разрядным книгам, были направлены в январе, в июле и в октябре 1584 г. «луговые черемисы воевать»⁸. С Казанью это соотносится только в том смысле, что территория включенного в состав России Казанского ханства охватывала и земли, населенные черемисами. Ни перед смертью Ивана IV, ни после нее в 1584 г. на Казань похода не было, и, соответственно, русские войска тогда в плен к казанцам не попадали. Более того, летописец сообщает: как только услышали «казанстии людие, что сяде на царство московский царь Федор Иванович», они «без войны и бес крови приидоша вси покорением»⁹.

От разговора о моих соотнесениях с историей сюжетов пяти других песен А. А. Горелов уклонился, согласно его словам, «из-за лимитированного объема доклада» (С. 560). Он уделил значительную часть своего «объема» попытке оспорить мои замечания по поводу зачина одной из этих песен.

Комментируя начало песни — «Когда зачиналась каменна Москва, / Тогда зачинался и Грозны царь» — я напоминал, что при Иване III возведены и стоящие донныне стены и башни Кремля, и Грановитая палата, и главные кремлевские соборы, тогда как «при Иване IV строительства подобного масштаба не производилось»¹⁰. Полемист искажает мою мысль, делая вид, будто у меня речь шла только об оборонительных укреплениях, и хочет противопоставить моим словам мнение В. Я. Проппа, писавшего, что песенное соотнесение каменной Москвы и царя ее имеет поэтический смысл. Конечно имеет, но появление этой песенной формулы было обязано соотнесенности реалий правления Ивана III, а не Ивана IV.

Одну из следующих строк зачина — «Он Казань-город мимоходом взял» — я сопоставил с относительно легким взятием Казани войском Ивана III после непродолжительной трехнедельной осады, тогда как «Ивану IV пришлось стоять под этим городом в два раза дольше при непрерывных, чрезвычайно ожесточенных боевых действиях, и даже взрывать городскую стену»¹¹.

Не допускающий даже мысли об Иване III полемист проигнорировал различие в характере боевых действий и попытался уловить меня на хронологической ошибке. Он пишет, что «при Иване III осада длилась» не три недели, а «7 недель и четыре дня» (С. 559) и дает отсылку к одной из летописей, где известие о взятии Казани в 1487 г. очень коротко: там сказано только, когда русское войско прибыло и когда произошла сдача Казани. Но гораздо подробнее об этом рассказано в «Истории России» С. М. Соловьева, куда нетрудно было заглянуть и прочесть, в частности, что сама «осада продолжалась три недели»¹². А при необходимости можно было обратиться к подробному сообщению летописи, на которую опирался С. М. Соловьев. Осада Казани началась спустя немало времени после прибытия туда русских. В летописи читаем: «Царь Аляхам из города ис Казани со князьми своими и с силою выехал против воевод великаго князя, мало побився и в город побеже». Тогда русские воеводы стали возводить острог, но им досаждал «князь татарский именем Алгазы», который «в город не полезл» и «зла много чинил», пока его не «прогна за Каму в поле». А казанский царь Аляхам «сиде в городе 3 недели», после чего «сам выиде из города неволю в руки воеводам великаго князя»¹³.

Слова песенного зачина о том, что Иван Васильевич выводил измену «изо Пскова и из Новагорода» я соотнес с фактами правления Ивана III. Ссылаясь на «Историю России»

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. С. 276.

⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина. Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1974. С. 201, 204, 214.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. Первая половина. С. 36.

¹⁰ Русский фольклор. Т. 29. С. 68.

¹¹ Там же.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 70.

¹³ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 96.

С. М. Соловьева, который и в этих случаях точно опирался на летописные известия, я указывал, что изменнические действия при Иване III были выявлены и в Пскове, и в Новгороде, после чего конкретных изменников там и тут казнили. Я сопоставил эти факты с иным положением при Иване IV: «его приезд в Псков после жесточайшего разгрома Новгорода оказался для псковичей почти бескровным», ибо «Иван IV обвинял в измене (по-видимому, неосновательно) только новгородцев»¹⁴.

А. А. Горелову нечего было возразить по поводу моих сведений, касающихся правления Ивана III. Но полемист захотел оспорить сказанное мной об Иване IV, хотя не имел возможности отрицать широко известные факты: только 30 или 40 человек были убиты по царскому приказу в Пскове — после того, как в Новгороде мучительной смерти оказались преданы тысячи, а по иным оценкам, — десятки тысяч жителей, включая детей и женщин. Однако, как хочет нас убедить А. А. Горелов, слова песни «выводил измену из Пскова» подразумевают не собственно Псков, а псковских переселенцев в Торжке и под Тверью, которые там были в числе погибших от опричного войска на его пути в Новгород (С. 560).

Подобные натяжки — результат убеждения А. А. Горелова, что фольклор о Грозном царе вообще не может иметь отношения к Ивану III, ибо этого государя, как представляется полемисту, подданные царем не считали и Грозным не называли — в отличие от Ивана IV. Здесь позиция А. А. Горелова противостоит уже не только моим суждениям, но и использованным мной трудам крупнейших отечественных историков, и бесспорным показаниям использованных этими историками надежных средневековых источников.

Путем умолчаний и пристрастных интерпретаций А. А. Горелов попытался обеднить состав и преуменьшить весомость фактов, доказывающих, что уже в 80-х годах Иван III «стал усваивать себе» царский титул — в смысле «государя по праву наследства, независимо от какой-либо земной власти после падения татарского ига, властью своей никому, кроме Бога не обязанного»¹⁵. Факты эти — и в официальном титуловании государственных грамот, начиная с 1484 г., и в титулованиях летописных известий, и в письмах современников, и даже в обращенном к пастве послании митрополита. Методом тенденциозного умолчания полемист захотел дискредитировать приведенное мной документальное свидетельство: включенный в летописи официальный текст — «Чин венчания на великое княжение Дмитрия Ивановича». процитировав только вводную фразу иной редакции этого текста, А. А. Горелов делает вывод, что для объявления Дмитрия царским наследником «еще не существовало юридических предпосылок» (С. 577). Однако для народной молвы значение имеют не юридические предпосылки, а реальные высказывания реальных авторитетов. В тексте ясно обозначено, что главный иерарх русской церкви в главном соборе Москвы, принародно обращаясь с речью к коронуемому своему наследнику Ивану Васильевичу, возглашал: «Божиею милостью радуйся и здравствуй православный царю Иване, великий князь, всея Руси самодержец»¹⁶. Одного этого было достаточно, чтобы царем стали называть Ивана III в устной традиции. Не напрасно специальное внимание данному факту уделил в своей «Истории России» С. М. Соловьев¹⁷.

Но полемиста подобные факты не убеждают. Он задает вопрос: «где же показания иные — исходящие из общественных низов?» (С. 557). Но тогда уместно спросить: а где «показания» о том, что «общественные низы» называли царем Ивана IV, тоже сохранявшего для себя титул великого князя? Искомые «показания» находятся в фольклоре о царе Иване Грозном. А так как в этом фольклоре оказались сюжеты, обязанные событиями, бывшим только при Иване III, вполне очевидно, что их «показания» относятся к нему.

¹⁴ Русский фольклор. Т. 29. С. 68—69.

¹⁵ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 273.

¹⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 286. Ср.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 29.

¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 146.

Значительное место в статье А. А. Горелова отведено еще менее успешным попыткам оспорить поддержанное С. М. Соловьевым заключение Н. М. Карамзина, который показал, опираясь на источники, что прозвание «Грозный» закрепилось сначала именно за Иваном III.

По словам полемиста, «подстановка эпитета» к имени этого государя в средневековых источниках, привлеченных Н. М. Карамзиным, не отображает «прозвище» Ивана III (С. 556), а является «привнесением “титularной формулы”» (С. 555), использованием «лексического стереотипа» (С. 554). Глухо упомянув не иллюстрируемые им «данные лексикографии» (С. 554), А. А. Горелов апеллирует к авторитету «видных историков нашей словесности» (С. 554), ссылаясь на статью А. М. Панченко и Б. А. Успенского. Но как раз эти ученые и именно в данной статье констатируют несколько раз, что Ивана III «называли Грозным», что его «называли царем и Грозным»¹⁸. В добавление к этим цитатам подчеркну, что ни один из авторов XVI—XVIII в., именовавших «Грозным» Ивана III, не прилагал такой эпитет к имени Ивана IV, хотя все они об этом государе писали в этих же сочинениях больше, чем об Иване III. Полемист обошел полным молчанием это уже отмеченное в моей статье красноречивое обстоятельство. Оно совершенно зачеркивает плоды его многословных суждений относительно «титularности» и «стереотипности».

При том, что ни одно из возражений А. А. Горелова не оказалось состоятельным, обращает на себя внимание весьма задиристый тон его статьи. Можно предположить, что автор, понимая сам слабость ее содержания, попытался как бы «компенсировать» это агрессивностью стиля.

Но ради справедливости следует упомянуть, что в статье есть одна полезная частности. Она состоит в том, что А. А. Горелов привлек внимание своих читателей к хорошо известной специалистам, но редко упоминаемой статье репрессированного в 30-е годы академика Н. П. Лихачева. Его небольшая работа посвящена прозвищам Ивана III. Маститый историк фиксировал три прозвания этого государя, оценивавших его деятельность: «грозный», «великий» и «правосуд». А. А. Горелов обошел вниманием эпитет «великий» и умолчал, что, согласно Н. П. Лихачеву, «прозвище Грозного, надо думать, было современным». Остановившись только на третьем, полемист урезанно процитировал пояснение, даваемое Н. П. Лихачевым: «дело идет <...> о народной молве, о народном суждении, выразившемся в прозвании “правосуда”»¹⁹. Вопреки собственным намерениям, А. А. Горелов этой цитатой фактически подкрепил мысль Н. М. Карамзина, которую сам же безуспешно пытался оспорить. Современники дали прозвание «Грозного» Ивану III «в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников»²⁰. А малоудачно цитированные полемистом А. М. Панченко и Б. А. Успенский, говоря о прозвании «грозный», констатировали, что вообще «этот эпитет связывался с “правдой”»²¹.

Напомню, что Ивана IV не называли правосудом: современники его называли мучителем. Н. М. Карамзин писал об Иване IV, имея в виду позднейшую устную традицию: народ «отвергнул или забыл название *Мучителя*, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньине именует его только *Грозным*, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну»²². Опровергнуть заключение Н. М. Карамзина нынешний полемист не сумел. И представляется напрасным анахронизмом проявленное в его статье стремление «восстановить в правах» мифологизацию Ивана IV порожденную некогда политической конъюнктурой.

¹⁸ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 61, 70, 71.

¹⁹ Лихачев Н. П. Прозвища великого князя Ивана III-го. СПб., 1897. С. 3—4.

²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. С. 215.

²¹ Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий. С. 70.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. С. 279—280.

